

ПЕРЕВОДЫ

Ирвинг Гофман

Лекция*

Первоначально данная работа была представлена в виде мемориальной лекции Катца–Ньюкомба в Мичиганском университете в 1976 году. Она предназначалась для произнесения вслух, и с помощью ее текста и выступления я хотел проиллюстрировать некоторые различия между живой речью и печатным словом. Тем не менее исходный формат можно было бы изменить, подвергнув текст умеренной редактуре. Можно было бы опустить указания – лаконичные и не слишком – на время, место и обстоятельства; можно было бы вставить сноски, содержащие соответствующую библиографию, развернутые пояснения и полные ссылки на мимоходом упомянутые источники; можно было бы заменить высказывания от первого лица; можно было бы смягчить категоричные заявления, а также придать тексту другие стилистические и синтаксические черты, свойственные печатным трудам. В противном случае читатели могли бы почувствовать себя обманутыми, встретившись с текстом, адресованным кому-то другому, и автором, который решил не утруждать себя переписыванием. Однако я не стал вносить практически никаких правок в надежде, что явная «неопрятность» данной версии прояснит некоторые особенности фреймирования и, опять же, проиллюстрирует различие между устной и письменной речью, – на этот раз с противоположной стороны, – хотя и гораздо менее выпукло, чем в случае публикации неотредактированной подробной стенограммы аудиозаписи первоначального выступления, снабженной пофразовыми комментариями относительно жестикюляции, хронометража и проглоченных слогов. (Последний вариант был бы продуктивен, но публичное препарирование себя требует определенного безрассудства.)

Я привожу этот довод без особой уверенности, поскольку он выступает очевидным (хотя и единственно приемлемым) оправданием того, что читателям придется иметь дело с текстом, не приспособленным к их способу восприятия. Конечно, такое насилие над читателями, как и знание о фреймах, которое они могут получить благодаря ему, частично ограничивается тем фактом, что первоначальное выступление было не импровизацией, а простым зачитыванием машинописного текста и спонтанные уточнения, добавленные к подлиннику в ходе лекции (и в других случаях зачитывания данной работы), были опущены – стандартная практика при переводе устной речи в печатную. Используемые знаки препинания соответствуют письменной грамматике и идентичны тем, которые применялись в машинописном тексте, послужившем основой для выступления, однако то, каким образом они включались в устную версию оригинала, не уточняется – по крайней мере, здесь. (Например, кавычки, имеющиеся в зачитанном машинописном варианте, стоят и в предлагаемом тексте, но читателю не сообщается о том, как выделенные подобным образом слова обозначались в речи: с помощью просодических средств, буквальной транслитерации [«кавычки»... «закрывать кавычки»] или/и жестов пальцами.) Кроме того, в некоторых местах я не смог удержаться от того, чтобы не изменить то или иное слово или не вставить предложение (на самом деле, один-два абзаца) в оригинал, и эти модификации тоже никак не помечаются. Наконец, я добавил вводную часть, которую вы сейчас читаете, а также библиографические ссылки, позволяющие мне выразить признательность Хаймсу (Hymes,

---

* Goffman E. *Forms of talk*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1981. P. 160–196.

© Корбут Андрей, Царева Анна, 2007.

© Центр фундаментальной социологии, 2007.

1975) и Бауману (Bauman, 1976) за их помощь. И то, и другое имеется исключительно в печатном варианте. Таким образом, сколь бы коварно ни было исходное выступление, данное отредактированное его документальное воплощение еще более коварно. (Схожее обсуждение произнесенной лекции и схожее предупреждение относительно ее письменной версии см. в: (Frake, 1977).)

I

Тема и аргументы, приготовленные мною для сегодняшнего выступления, являются частью обширной области исследований, в которой я работаю: натуралистического изучения различных собраний и сборищ людей, то есть форм и обстоятельств взаимодействия лицом к лицу. Рассматриваемая же здесь конкретная форма такого взаимодействия открывает возможности для того, что я называю «анализом фреймов». Других обоснований нет. Поэтому, надеюсь, вы воздержитесь от оценок и не станете сразу же полагать, будто выбрать лекцию в качестве темы может только остряк самоучка, оптимистически пытающийся протолкнуть с кафедры очередную халтуру. Я не пытаюсь уклониться от исполнения своих обязательств перед вами, используя факт моего пребывания на возвышении для разглагольствований о чем-то подручном: о собственном положении за кафедрой. Поступать так, значило бы использовать свою позицию не по назначению, вместо того, чтобы постараться соответствовать ей. Мы уже имели достаточно примеров подобного ребяческого оппортунизма, будь то в лице учителей, практикующих групповую динамику, представителей левого крыла этнометодологии или сторонников школы перформативных имитаций Джона Кейджа. (Человек, заявляющий о своем отказе от подготовленного выступления и намерении импровизировать по поводу того, что значит обращаться к вам, записывать речь или вообще формулировать высказывания, отказывается лишь от плохо подготовленного выступления.) То, что я знакомлю вас со своими размышлениями при помощи лекции, а не, скажем, посредством печати или в ходе беседы, кажется мне простой случайностью. По своему смыслу термин «доклад» (paper) может относиться и к чему-то напечатанному, и к чему-то произнесенному.

Безусловно, ничто из того, что я хотел бы сказать о лекциях, не может поставить под сомнение предоставляемую ими возможность целенаправленной передачи связного фрагмента информации, в том числе – как в моем случае – информации о практике чтения лекций. Одно из обязательных условий достоверности моего анализа состоит в том, что я не могу уклониться от его применения к ситуации сообщения о нем вам; второе условие – такая применимость не перечеркивает ни саму презентацию, ни выдвигаемые аргументы. Тот, кто читает лекцию об ошибках речи и об их исправлении, будет неизбежно делать некоторые из анализируемых им ошибок, но подобная невольная демонстрация лишь подтверждает ценность анализа, даже если она бросает тень на речевую компетенцию аналитика. Тот, кто читает лекцию о дискурсивных допущениях, будет крайне косноязычен, пока, сам того не осознавая, не примет их, как и всякий другой. Читающему лекцию о вступлениях и извинениях все равно будет лучше начать свою речь с предварительных оправданий. И человек, читающий лекцию о лекциях, не имеет никакого особого права читать ее плохо; его описание ошибок выступления будет оцениваться в соответствии с тем, насколько хорошо это описание организовано и подано. Если он не сумеет завладеть вниманием своих слушателей, то его неудачу нельзя будет ретроспективно переопределить как иллюстрацию интерактивной значимости подобной неудачи. Если же он действительно преодолет ограничения лекционной практики, это сделает его докладчиком-исполнителем (performing speaker), а не исполнителем доклада (speaker performing). (Тому, кто стремится к подобному преодолению и успешно его осуществляет, следовало бы выходить на сцену в облегчающем трико и с лютней в руках. Человек, преступающий рамки лекции и терпящий неудачу, – как, похоже, всегда и происходит, – просто откровенный глупец, и ему лучше было бы вообще не появляться на сцене.) Это не значит, что и другие виды нарушения фреймов столь же

однозначно обречены на провал; например, здесь можно сослаться на крайне сомнительную процедуру использования мной в предыдущих высказываниях оборота «тот» (he), аккуратно смешивающего слово с четким половым уклоном, исполняющее функцию неопределенного местоимения, и вполне допустимый анафорический термин, указывающий на человека вроде меня.

Однако чтение лекции о лекциях, несомненно, имеет свою специфику. Распространяться о чтении лекций перед людьми, сидящими на одной из них, – то же самое, что заставлять их дважды отбывать срок за одно преступление, – жестокое и изощренное наказание. Претендовать перед такой аудиторией, как ваша, на экспертное знание лекций, значит вступать на территорию, где самонадеянность оборачивается идиотизмом. Кроме того, как бы я ни убеждал вас, что мои утверждения могут, будут и должны строго придерживаться формата лекции, что-то, похоже, выдает меня. Я знаю, что до конца своего выступления еще не раз обращусь к только что совершенным мной действиям за иллюстрацией к сказанному, поскольку продемонстрировать что-либо у меня наверняка получится лучше, если я сделаю это непреднамеренно, чем если буду сознательно придумывать показательный пример. Но у такого рода самообращений есть допустимый предел. Сами иллюстрации тоже вызывают вопросы. Тот, кто в ходе лекции о юморе рассказывает анекдоты, имеет право – а, возможно, и обязан – рассказывать помимо прочего несмешные анекдоты, поскольку на самом деле вся соль – в анализе, а не в истории; он может «разогреть» свою презентацию иллюстративными анекдотами, но не должен позволять им «сжечь» свои мысли. Точно так же лингвисты, читающие лекции, могут продемонстрировать гортанную смычку или альвеолярный щелчок, а орнитологи – птичье пение, не ставя под угрозу определение происходящего в качестве лекции. На лекции, посвященной серому гусю, слайды, демонстрирующие его угрожающее поведение, совершенно уместны; в этом случае слова и изображения одинаково отстранены от ситуации, в которой они представляются. Фактически, лекторы-медики могут принести настоящего гуся – при условии, что он ручной, – и это вызовет замешательство лишь у птицы. Но когда говорящий использует свое тело, дабы проиллюстрировать угрожающее поведение серого гуся, – что проделывал на наших глазах Конрад Лоренц, – происходит что-то еще, что-то такое, что мог позволить себе только Лоренц, и даже он – не без некоторого ущерба для собственной репутации.

Или еще более запутанный случай: если нарушение приличий совершается в качестве примера нарушения приличий, то есть, совершается как бы в кавычках, насколько это увеличивает отстранение? На лекциях, посвященных пыткам, лекторы, по понятным причинам, не решаются показывать записи реальных пыток; насколько менее рискованным будет, если я покажу подобную пленку в качестве иллюстрации того, что нельзя показывать? Будет ли такого двойного отрыва от реальных событий достаточно, чтобы мы остались в пределах недвижимого мира (*unkinetic world*), предположительно поддерживаемого на лекциях? Наконец, если учесть, что ситуация, рассматриваемая на лекции, разными способами обособляется (*insulated*) от ситуации, в которой лекция происходит, – и что ее действительно следует так обособлять, – можно ли обсуждать это обособление на примерах, но не переходя грань, составляющую предмет изучения? И если вся последующая презентация представляет собой один большой пример шаткости границы между процессом указания и указываемым предметом, и я с самого начала заявляю, что так и есть, читаю ли я лекцию или совершаю демонстрацию в лекционном зале? Можно ли вообще прямо поставить этот вопрос, не прекратив читать лекцию? Не поступаю ли я именно так, когда подобным образом рассказываю о гусе?

Обратите внимание: я ввел вас в обсуждение лекции, говоря о лекторе. О нем я буду говорить и дальше. Равновесие могло бы восстановить лишь то, чем я заниматься не собираюсь: анализ особенностей поведения аудитории.

II

Лекция – это институционализированное продолжительное выступление, в ходе которого говорящий излагает свои взгляды на определенный предмет, и эти мысли составляют его «текст». Стиль, как правило, отличается серьезностью и некоторой безличностью, в то время как руководящей целью выступает достижение спокойного обдуманного понимания, а не развлечения, эмоционального возбуждения или немедленного действия. Ценность высказываний, составляющих лекцию, определяется, по всей вероятности, их способностью свидетельствовать об истине, где истина является чем-то, что должно культивироваться и разрабатываться издали, хладнокровно, в качестве самоцели.

Зачастую предполагается определенная компоновка площадки, подчеркивающая тот факт, что слушатели являются «непосредственной аудиторией». Я имею в виду собравшихся индивидов (обычно сидящих), число которых может значительно варьироваться, не вынуждая при этом оратора (обычно стоящего) менять свой стиль; они имеют право сосредотачивать пристальное внимание на всем теле говорящего (как они поступали бы на концерте эстрадного артиста) и способны (по крайней мере, вначале) передавать свою реакцию лишь косвенным путем.

Выступающих перед аудиторией называют «исполнителями» (performers) и осуществляющими «исполнение» (performance) – в специфическом театральном смысле слова. Тем самым они неявно претендуют на обладание сценическими навыками, без которых обычный человек, вытолкнутый на подмостки, оказался бы растерянным и беспомощным – причиной насмешек, смущения и крайнего раздражения. И они молчаливо соглашались, чтобы их рассматривали в данной перспективе те, кто не обязан подвергаться подобного рода аттестации. Это явно контрастирует с повседневной речью, поскольку в последней, судя по всему, нет необходимости играть какую-то возвышенную роль, не нужно обладать специфической компетентностью, и, несомненно, лишь патологическая застенчивость или какое-нибудь иное необычное препятствие может помешать хмыкнуть или слегка шевельнуть бровями, чего зачастую вполне достаточно. (Это не значит, что в разговоре люди не могут время от времени делать отступления, которые должны расцениваться как развлечение, а не собственно речь, и которые, в отличие от речи, относительно слабо связаны с составом и количеством слушающих.) Так или иначе, в обычной речи каждый, кто судит о компетентности, знает, что его самого оценивают точно таким же образом.

Сфокусированные практики, основанные на отношениях лицом к лицу, – например, игры, совместный труд, театральные постановки или разговоры, – достигают успеха или терпят неудачу как формы взаимодействия в той мере, в какой их участники вовлекаются и погружаются в особую область бытия, возникающую в результате подобных занятий. Таковы и лекции. Однако в отличие от игр и спектаклей, лекции не должны открыто презентовать так, будто их руководящей интенцией является поглощенность. Лекции стремятся к зыбкому идеалу: безусловно, слушателей нужно увлечь, чтобы время прошло незаметно, но увлечь предметом лекции, а не ужимками лектора; считается, что предмет оказывает на слушателей свое собственное глубокое влияние, отличающееся от воздействия, производимого удачными или неудачными аспектами презентации. Лекция должна заставить аудиторию забыть о помещении, поводе, о говорящем и с головой уйти в ее предмет. Так что лектору следует быть исполнителем, но не только. Заметьте, я не говорю, что аудитории регулярно увлекаются темой говорящего; я лишь отмечаю: они обращаются с увлекающим их предметом так, чтобы не разрушать явным образом представление, будто их увлекает именно текст. На самом деле, сказать, что аудитории увлекаются, невзирая на текст, а не благодаря ему, значило бы не сильно погрешить против истины; они многое пропускают, то следя за аргументацией говорящего, то нет, ожидая особых эффектов, которые по-настоящему захватят их и мгновенно окунут в говоримое, – эффектов, которые мне лучше бы не расписывать, а производить.

Обычно при анализе ситуаций, в которых широко используется речь, – Хаймс называл их «речевыми событиями», – употребляется термин «говорящий» (speaker), что буду делать и я. Однако на самом деле термин «говорящий» крайне проблематичен. Можно показать, что он исполняет самые разные и несовпадающие функции, и, похоже, это слово требует, чтобы мы использовали его именно в силу данной неоднозначности, а не вопреки ей. В случае лекции одного из присутствующих можно идентифицировать в качестве говорящей машины, вещи, издающей звук, «аниматора». Обычно на лекциях этому человеку также приписывается «авторство» текста, то есть формулирование и запись высказываемых суждений. Кроме того, в нем видят «принципала», то есть того, кто сам верит в произносимое и придерживается позиции, подразумеваемой его высказываниями. (Разумеется, лектор, скорее всего, полагает, что здравомыслящие люди тоже будут придерживаться описываемой им позиции.)

Мне кажется, совмещение в одном лице аниматора, автора и принципала является характерной (в смысле – распространенной и важной) особенностью лекций. Для них также характерно наделение этого трехликого функционера «авторитетом» – интеллектуальным, в противоположность институциональному. В силу репутации или положения ему приписывают наличие знаний и опыта, касающихся затрагиваемых в тексте вопросов, причем знаний и опыта гораздо более обширных, чем у аудитории. Предполагается, что он не должен бороться за право высказывания, – по крайней мере, в течение оговоренного промежутка времени, – он получает эту монополию автоматически, как часть социального расклада. Ему принадлежит право голоса, но вовсе не обязательно – внимание аудитории. Это было бы справедливо и в том случае, если бы в центре сцены находился не лектор, а певец, поэт, фокусник или какая-нибудь другая «дрессированная мартышка».

Вслед за лингвистом Кеннетом Пайком можно сказать, что лекции относятся к широкому классу ситуационных видов деятельности, в пределах которого четко различаются игра и спектакль, то есть непосредственное занятие и тот интеракционный «соус», под которым оно подается. (Этот «соус» обнаруживается наиболее четко на «предыгровой» и «послеигровой» стадиях, то есть в тех суматошных разговорах и суете, которые непосредственно предшествуют организуемому мероприятию и возникают сразу по его завершении.) Да и сам термин «лекция» создает дополнительные трудности, поскольку порой отсылает к произносимому тексту, а порой – к социальному событию его произнесения. Впрочем, эта двусмысленность свойственна почти всем терминам, обозначающим виды сценической деятельности.

Рассмотренная нами композиция – практика, совмещающая в себе спектакль и игру, – реализуется в разных форматах: это может быть единичное событие, одно из ряда событий, предполагающих ту же самую композицию, но разных говорящих, или занятие в рамках курса лекций одного человека.

Спектакль, то есть социальные хлопоты, сопутствующие чтению лекции, иногда квалифицируется как торжественное событие (celebrative occasion). Под «торжественным событием» я имею в виду социальное мероприятие, которое предвкушается и вспоминается как праздник, непосредственная цель которого – если таковую вообще можно выделить – не единственная причина для участия в нем; скорее, значимость целенаправленно придается социальному общению участников, собравшихся вместе ради чествования или почитания чего-либо, пусть даже исключительно собственного социального круга. Кроме того, существует тенденция описывать участие как вовлекающее всю социальную личность участника, а не только какой-то ее определенный сегмент. (Согласно этому описанию, первая и последняя ночь театрального сезона могут быть торжественными событиями, но промежуточные постановки – вряд ли; рабочий день в офисе не является особым событием, а рождественская вечеринка, хочется надеяться, – да.) Разовым «публичным» лекциям, которые читаются человеком, иначе недоступным для аудитории (или произносятся перед аудиторией, иначе недоступной для него), часто придается вид торжественного события, как и выступлениям перед закрытыми аудиториями в серийном

формате. Лекции в рамках университетского курса, читаемого местным преподавателем, обычно не обозначаются подобным образом, за исключением, иногда, первой и последней. У лекций, относящихся к учебному курсу, есть другая незначительная особенность: на слушателей можно официально возложить ответственность за усвоение сказанного, что наносит сильный удар по ритуальному характеру исполнений. На таких лекциях могут вестись записи, и лектор будет всячески способствовать этому; делающий записи предпочитает получить конспект, а не опыт. (Должен добавить, что торжественные события являются основополагающей формой организации нашей публичной жизни, однако до сих пор они практически не изучались.)

Сбор аудитории с помощью рекламы, объявлений сотрудникам, расписания занятий и т. д., приглашение и оплата лектора, предоставление технической поддержки – все это предполагает наличие организационного персонала, который берет на себя (и на которого возлагается) ответственность, что позволяет говорить об «устроителях» или попечителях лекции. Этим может заниматься какой-то комитет, подразделение университета, профессиональная ассоциация, правительственное учреждение. Попечительская организация чаще всего живет своей жизнью и преследует цели, не ограничивающиеся проведением данной лекции. В той мере, в какой лекция имеет вид торжественного события, она будет прославлять устроителей выступления, даже если почести оказываются выступающему и его теме. (Рок-концерт могут организовывать люди, чья деятельность ограничивается лишь проведением этого концерта, поэтому подобное мероприятие вряд ли способно служить прославлению имени его устроителей – промоутеров, – надеющихся на более осязаемое вознаграждение.) В ходе торжественных событий, частью которых должна быть лекция, переход от спектакля к игре, от потехи к делу, обыкновенно (в чем вы недавно убедились) разбивается на два шага: на первом выступает один из устроителей, представляющий лектора, на втором – лектор, представляющий свою тему. Иногда представление, совершаемое представляющим, само разделяется на две части, и сначала представляется представляющий, как будто организаторы считают, что данную возможность можно использовать с максимальной пользой для себя, если ввести больше, чем одного соискателя.

Заметьте, в круг забот организаторов входят не только проведение лекции, но и ее фото-, аудио- и стенографическая фиксация, поскольку она может служить интересам организации не меньше, а то и больше самого выступления. (Яркий пример – благотворительный сбор в пользу какой-нибудь достойной организации, затраты на проведение которого обычно едва окупаются выручкой от продажи билетов; его настоящая негласная цель – засветиться в газетах.) Несомненно, реклама лекции – это также реклама ее устроителей; освещение лекции в прессе ведет к такому же результату. (В этой связи представляют интерес университетские студенческие газеты. Якобы служащие выражению независимого, или даже оппозиционного, мнения студентов, они на самом деле функционируют в качестве рупора администрации, освещая то, что в противном случае могло бы благополучно остаться незамеченным.)

Здесь мы видим явную связь между формальными организациями и «системой звезд»*. Самооценка попечительских организаций зачастую определяется степенью публичной поддержки и одобрения, признанием их существования и их миссии, даже если их финансовые ресурсы оставляют желать лучшего. Главный способ заявить о своем попечительстве перед общественностью – прорекламиривать празднование какого-либо памятного события и обеспечить его освещение прессой. Чтобы сделать подобное событие значимым для широкой публики, неплохо бы запланировать появление одного-двух известных людей – выдающихся личностей. Благодаря этому пространственно удаленная публика получает повод отправиться в путь ради того, чтобы стать свидетелями события. В определенном смысле осуществляемая институтом реклама не возникает в ответ на

---

* «Система звезд» – способ «продвижения» фильмов в прокате и на широких экранах; в данной системе успех фильма определяется участием в нем знаменитых исполнителей. «Система звезд» возникла изначально в театральном мире, но сегодня это один из принципов индустрии кинематографа. – *Прим. ред.*

предвосхищаемое появление известной фигуры, скорее, известная фигура способствует презентации чего-то, нуждающегося в широкой рекламе. Поэтому можно было бы также сказать, что большие залы строятся не с целью размещения множества людей, а с целью обеспечения широкой рекламы. Разумеется, престиж лектора важен в другом отношении: своим общественным весом выступающий повышает статус организации-устроителя и учреждаемых ею социальных событий, очевидно, полагая, что достойные люди участвуют только в достойных мероприятиях. Одалживая подобным образом свое имя, лектор получает взамен известность и гонорар – вознаграждения, дополняющие теплый прием его речи и возможность ее произнесения. Во всем этом мы обнаруживаем проблески связей между социальными мероприятиями и социальными структурами, указания на политику церемоний, а также другой подход, в рамках которого превосходство определяется не столько отличительными достижениями, сколько организационными потребностями попечителей и устраиваемыми ими событиями.

Между устроителями и лектором может существовать неявное, кто-то даже скажет дьявольское, соглашение. И соблюдается это соглашение ценой самой лекции как способа передачи знаний. Лектора побуждают приспособлять свои высказывания к уровню понимания широкой аудитории – аудитории, достаточно большой, чтобы обеспечить празднование и окупить затраты. Его побуждают занимать своими высказываниями столько времени, сколько аудитория сможет выдержать, а также использовать приемы, которые не дадут аудитории утратить интерес. И его побуждают стойко переносить любого рода грубые вмешательства со стороны журналистов, фотографов, звукотехников, равно как и прочие помехи, нередко возникающие в самый разгар мероприятия. (Если в какой-то момент вы захотите убедиться, что говорящий действительно целиком погружен в содержание сообщения, обратите внимание, сколь умело он игнорирует фотографов, будто бы ничуть не мешающих его выступлению. Подобная откровенная «забывчивость» может быть, конечно, следствием его увлеченности вами, а не желания соответствовать правилам публичности, но не стоит сильно на это рассчитывать.)

Наконец, необходимо отметить, что хотя чтение лекции может быть основной задачей социального события, частью которого оно является, – что, по-видимому, было бы идеально с точки зрения выступающих, – как правило, имеет место другая ситуация. В Соединенных Штатах, например, существует институт «обеденных лекторов» (lunch speakers), в основе которого лежит представление, будто бы регулярное совместное принятие пищи членами организации не полно без приглашенного докладчика, чья личность или тема – далеко не самый главный фактор при выборе; им может быть любой подвернувшийся под руку лектор, выступающий за деньги. (Конечно, во многих случаях нам было бы естественнее называть такого рода обеденные представления «произнесением речи», а не «чтением лекции», где одно отличается от другого главным образом систематичностью изложения темы.) И как событие может использовать выступающего, так и выступающий может использовать событие, например, когда политика приглашают, чтобы украсить местное собрание, хотя его основная цель – донести свои слова до аудиторий СМИ.

III

Все, что я говорил до сих пор о лекциях, вполне очевидно и не требует специального рассмотрения; теперь мы переходим к более содержательным вопросам.

В нашем обществе известны три способа анимации устной речи: *повторение по памяти*, *чтение вслух* (то, чем я занимался до сих пор) и *неподготовленная речь*. В случае неподготовленной речи аниматор формулирует текст в каждый момент времени или, по крайней мере, в каждой клаузе*. Это создает впечатление, что формулировка является

---

* Клауза – минимальная предикация, элементарная синтагматическая единица, предложение. Однако от понятия «предложение» в русском языке ее отличает то, что предикат клаузы может быть как финитным (в личной форме), так и нефинитным. – *Прим.ред.*

реакцией на текущую ситуацию, в которой произносятся слова, в том числе – на наличный состав присутствующих и содержание головы говорящего, а также (хотя и не только) на то, что можно было бы предвидеть и предусмотреть. Повторение по памяти иногда используется в лекциях, но не повсеместно. (Театральные роли представляют собой более сложный случай: они произносятся так, будто являются неподготовленной речью, и хотя все знают, что их заучивают наизусть, это знание не должно использоваться, видимость неподготовленной речи должна сохраняться.) Распространенным способом высказывания на лекциях является чтение вслух. Общим идеалом, вероятно, выступает неподготовленная речь, которая (в сопровождении записей) встречается довольно часто.

Повторение по памяти, чтение вслух и неподготовленная речь – различные способы производства высказываний. Каждый из них предполагает особую форму отношений между говорящим и слушающим, обеспечивая лектора специфической «опорой» (footing) во взаимодействии с аудиторией. Переходы от одной формы к другой, то есть «изменение способа производства», означают для говорящего смену опоры и, как будет видно, играют ключевую роль при чтении лекций. Главный вопрос, который мы рассмотрим далее, – зависимость значительного числа лекций (за исключением данной, в силу моей некомпетентности) от иллюзии неподготовленной речи. Добавлю, что дикторы на радио должны поддерживать такого рода зыбкое впечатление в еще большей степени.

Нужно отметить, что неподготовленная речь сама по себе в чем-то иллюзия; она никогда не бывает настолько неподготовленной, как кажется. Несомненно, мы строим свои высказывания из сегментов длиной во фразу и клаузу, каждый из которых в определенном смысле сначала формулируется в уме, а затем воспроизводится. Во время произнесения одного сегмента необходимо мысленно формулировать следующий, так, чтобы они сменяли друг друга без превышения допустимого лимита пауз, возобновлений, повторов, переадресаций и других лингвистически обнаружимых дефектов. Лекторы отмечают естественный поворотный момент в процессе приобретения навыка неподготовленной речи, когда чувствуют, что они способны заканчивать определенный сегмент, не зная, что будет дальше, но будучи уверенными, что они смогут (причем вовремя) предложить нечто грамматически и тематически приемлемое, при этом ничем не обнаружив случившегося кризиса производства. И они отмечают для себя естественный поворотный момент в процессе овладения умением произносить неподготовленные высказывания или читать вслух, когда понимают, что способны задумываться о том, как они действуют, о том, не слишком ли рано или не слишком ли поздно заканчивать сегмент, а также о том, что они собираются делать дальше, ничем не выдавая свои «закулисные» размышления, поскольку, если такого рода озабоченность станет явной, это поставит под угрозу иллюзию, будто они надлежащим образом участвуют в коммуникации.

Выше я утверждал, что лекция включает текст, который с таким же успехом можно было бы передать посредством печатной или неформальной речи. В этом случае содержание лекции не следует рассматривать в качестве отличительной и характерной особенности практики ее чтения. Максимум – остаются специфические особенности чтения какого-либо конкретного текста в формате лекции. В лучшем случае – пересечение, связка текста и ситуации его преподнесения. Остается только форма, интеракционная оболочка; коробка, а не торт. Я полагаю, что эти интеракционные аспекты можно выявить лишь всесторонне и тщательно рассмотрев вопрос об отношении говорящего к самому себе – вопрос, который легко поддается взвешенному анализу в письменном тексте, но который трудно сделать предметом лекции, не злоупотребив при этом своим положением за кафедрой. Я имею право привлечь ваше внимание и направлять его на ту или иную релевантную тему, включая меня самого, если я способен встроить этот конкретный объект в определенное тематическое событие или мнение. Я имею право – на самом деле, я обязан – поддерживать коммуникативный процесс (независимо от того, являюсь я героем собственной речи или нет) с помощью любых подходящих жестов и зримых телодвижений. Однако если в силу сказанного мной вы концентрируете свое внимание на сопутствующей анимации, если из-за

моих замечаний вы фокусируетесь на процессе их произнесения, тогда под угрозой оказывается нечто, образующее структурное ядро речевых актов: разделение между внутренней и внешней стороной слов, между областью дискурсивных значений и механикой производства дискурса. Эта разделительная линия, эта мембрана, эта грань очень хрупка; претерпеваемые ею метаморфозы во многом определяют, принесет ли событие удовольствие или разочарование.

IV

Теперь рассмотрим опору и ее изменения. Иначе говоря, рассмотрим различные смыслы, в которых может выступать «Я» высказывающегося, различные проекции «Я», обнаруживаемые в том, что говорится и делается на возвышении.

В центре, безусловно, располагается текстуальное «Я» – человек, который якобы стоит за текстуальными высказываниями и придает им авторитетность. Обычно такое «Я» имеет относительно долгую историю, поскольку говорящий был связан с ним задолго до текущей ситуации произнесения речи. Именно это «Я» окружающие будут указывать в качестве автора различных публикаций, приверженца различных позиций и т. д. Нередко для обозначения соответствующего качества и позиции по отношению к аудитории, которую занимает данное конкретное «Я», говорящий использует термин «я» или даже «мы», однако подобное эксплицитное употребление местоимений необязательно. Наряду с этим академическим голосом иногда обнаруживается релевантный историко-эмпирический голос, который заявляет о себе при воспроизведении лектором определенного отрезка своего личного прошлого опыта, в течение которого произошло что-то, имеющее отношение к тексту. (Лекция, читаемая вернувшимся домой военным корреспондентом или дипломатом, будет полна такого рода вещей, равно как и лекции маститых ученых, вспоминающих о своих личных встречах с прославленными коллегами.) Обратите внимание: это текстуальное «Я», предполагаемое и проецируемое в процессе передачи знаний или исторически релевантного личного опыта, может быть полностью отражено при помощи напечатанных слов; оно может целиком реализоваться в печатной версии текста лекции, будучи производным от этого текста, а не, скажем, от способа, которым оно устно сообщается в каждом отдельном случае. Примечательно, что это «Я» может проецироваться, даже когда сам автор болен и его обращение читается кем-то, его заменяющим.

Однако на самом деле интересной и аналитически релевантной особенностью лекции как исполнения является не текстуальная позиция, проецируемая в ходе ее чтения, а дополнительные опоры, используемые параллельно, опоры, единственная задача которых – «оттенить» производимый текстом эффект. Я имею в виду различные формы изменения дистанции (некоторые – очень непродолжительные), выступающие подвижным контрапунктом текста, а также расширительные комментарии и жесты, относящиеся не к содержанию текста, а к механике его сообщения в данном конкретном случае и в данных конкретных обстоятельствах.

Во-первых, существуют соединительные «переключения» (keying). Опубликованный текст серьезной статьи может содержать пассажи, которые не нужно интерпретировать «прямо», а скорее следует понимать как сарказм, иронию, «услышанное из чужих уст» и т. п. Однако подобного рода самоустранение из буквального содержания собственных высказываний гораздо более распространено в устных сообщениях, поскольку в них голосовые знаки могут указывать на то, что границы и характер предположительно цитируемого отрывка отличаются от подразумеваемо нормального потока речи. (Не говоря уже о том, что эти паралингвистические маркеры могут быть нормально идентифицированы и – вот как сейчас – транскрибированы.) Так, компетентный лектор способен прочитать отрывок с насмешкой в голосе или отстраниться от высказывания, чуть приподняв свои вокальные «брови». С другой стороны, приступая к чтению определенного пассажа, он может разрушить установленную им дистанцию и позволить своему голосу исполниться

чувства, убежденности и даже страсти. Осознание того, что эти вокально выделенные отрывки нельзя обозначить похожим образом в печатном тексте, создает у слушателей ощущение того, что они имеют привилегированный доступ к сознанию автора и что живое слушание обеспечивает такой контакт, который невозможен при чтении.

Во-вторых, рассмотрим текстовые скобки. Как вы знаете, работы, предназначенные для публикации, а не для чтения, чаще всего содержат введение и заключение. Такие скобочные фрагменты представляются аудитории с другой интонацией, нежели основной текст. Однако это вовсе не обязательно предполагает смену опоры – хотя, должен добавить, в полноформатных книгах такая смена, скорее всего, будет иметь место. В случае же докладов, предназначенных для *устного* произнесения, текстовые скобки, похоже, предполагают некоторую замысловатую работу с опорой. Считается, что введение намечает перспективу последующего обсуждения. Говорящий делится с нами тем, что еще он мог бы, но не станет рассказывать нам, а также тем, какие опасения у него есть в отношении последующих слов; и если мы сочтем дальнейшее повествование слабым, ограниченным, спекулятивным, самоуверенным, унылым, педантичным и т. п., мы сумеем понять, что говорящего (как он надеется) не стоит целиком оценивать на основании сказанного. Помимо восхваляемого «Я», которое подразумевается самим фактом продолжительного выступления с серьезной темой перед группой людей, ему также должны приписываться обыкновенные качества: скромность, непритязательность, практичность, готовность воздержаться от помпезной презентации, наконец, понимание того, что демонстрируемое текстуальное «Я», – не единственная личина, под которой он хотел бы стать известен, по крайней мере, среди собравшихся.

Заключительные комментарии носят схожий характер, в данном случае позволяя говорящему «слезть с коня», перейти обратно от текстуального «Я» к «Я» спонтанному, реагирующему на ситуацию, показать, что путь, избранный в предложенной лекции, – лишь один из возможных путей, а заодно вернуться в аудиторию в качестве одного из ее членов, равного среди равных. Если проводить сопоставления, то заключительное слово – это нечто среднее между вызовом актера на сцену по окончании спектакля, когда исполнитель, наконец, появляется не в качестве персонажа пьесы, и кодой (в терминологии Лабова), перекидывающей мост от ситуации, в которой рассказчик принимал участие как протагонист, к текущей ситуации человека, стоящего перед слушателями. Для такого «понижения передачи» (down-gearing) говорящий может, разумеется, использовать непринужденность ответов на вопросы – благодаря им некоторые члены аудитории получают возможность вступить в прямой разговорный контакт с лектором, что означает фактическое изменение правил игры. В конце концов, ответы на вопросы требуют неподготовленных высказываний. Другими словами, ответы на вопросы вынуждают переходить от чтения вслух к неподготовленной речи, и говорящие часто обозначают этот переход с помощью ритуальных способов заключения в скобки (bracket rituals), таких как закуривание сигареты*, смена стоячего положения на сидячее, отпивание воды из стакана и т. п.

Как говорилось выше, введения и заключения, то есть скобочные формы выражения, возникают на стыке между спектаклем и игрой, в данном случае – между лекцией и событием ее прочтения. Как бы там ни было с ответами на вопросы, предварительные и заключительные комментарии обычно сообщаются с помощью неподготовленной речи или ее более серьезной симуляции, нежели та, которая применяется в процессе чтения самой лекции. Эти комментарии, вероятно, будут содержать прямое указание на что-то, справедливое лишь в отношении текущего социального события и наличной аудитории. Обратите внимание: когда на одной сцене выступают сразу несколько говорящих,

---

* Любопытно, что в современном американском университете уже довольно трудно представить себе «закуривание сигареты» в качестве ритуального способа постановки скобок. Это лишний раз подтверждает гофмановский тезис (неоднократно высказывавшийся им в «Анализе фреймов») об изменчивости правил фреймирования в долгосрочной перспективе. – *Прим. ред.*

миниверсии открывающих и закрывающих скобок могут появляться *в ходе* самой презентации, иногда – при переназначении главной фигуры, что указывает на переход роли говорящего от одного человека к другому.

Итак, существуют текстовые скобки. В-третьих, существуют вводные (parenthetical) реплики. Если снова обратиться сначала к *печатному* тексту – предназначенному для чтения, а не выслушивания, – то обнаружится, что автор пользуется правом вводить замечания, поясняющие, развивающие, уводящие в сторону, оправдывающие, страхующие, комментирующие и т. д. Эти непродолжительные изменения голоса, эти кратковременные смены опоры могут обозначаться на печати скобками, тире и пр. Либо может применяться тяжеловесный механизм сносок. (Сноски настолько институционализированы в качестве способа обозначения такой смены голоса, что человек, не являющийся автором, например, редактор или переводчик, тоже может использовать сноски для комментирования текста голосом, который заведомо радикально отличается от голоса в тексте.) С помощью всех этих приемов писатель на короткое время изменяет опору, соотносящуюся с его текстом в целом, открываясь тем самым читателю с несколько иной стороны. Заметьте, подобные уточнения обычно расширяют «производственную базу» для читателя, предоставляя ему больше сведений об обстоятельствах и мнениях автора, нежели голый текст.

Если перейти от печатного текста к устному, станет заметно, что легко отображаемые на печати вводные замечания остаются; однако теперь они значительно усиливаются репликами, которые вряд ли появятся в печатной версии выступления. (Как известно, рекламисты порой используют такой прием: они помещают на полях печатного текста заметки, набранные рукописным шрифтом; эти заметки должны, по замыслу, создавать впечатление живых раздумий, обеспечивая тем самым переключение на коммуникацию, изначально не предназначенную для печати, коммуникацию, которая призвана свидетельствовать о сложной работе мысли.) Иными словами, по ходу выступления говорящий почти наверняка будет делать замечания, поясняющие, развивающие и интерпретирующие содержание текста, расширяя тем самым вводные комментарии, предназначенные для печатной версии. Хотя эти замечания могут быть всецело научными и серьезными, они все же немного изменяют позицию говорящего в отношении слушателя, изменяют опору, которая, в свою очередь, отсылает к иной грани «Я», отличающейся от той, что проецировалась до сих пор. На печати таких результатов можно добиться лишь частично, прибегнув к ближайшим доступным эквивалентам: вводным предложениям и сноскам.

Вводные ремарки крайне интересны с точки зрения интеракции. С одной стороны, они ориентированы на текст, с другой, они тесно связывают атмосферу события со специфическим интересом и идентичностью конкретной аудитории. (Заметьте, в беседе, в отличие от лекций, за один раз произносится лишь одна фраза или клауза, что позволяет говорящему откликаться на непосредственно складывающиеся обстоятельства с помощью слов, использованных для построения основного текста.) Вводные замечания по тексту передают уточняющие мысли, к которым говорящий якобы пришел в данный момент. Говорящий как бы становится маклером собственных утверждений, посредником между текстом и аудиторией, орудием, способным улавливать невербально выражаемые интересы слушателей, и реагировать на них в соответствии с текстом, а также со всеми своими знаниями и опытом.

Неподготовленная речь подходит для передачи вводных комментариев даже больше, чем для замечаний, устанавливающих скобки, поскольку каким еще образом говорящий может отреагировать на траекторию *текущей* ситуации? Отметим, что хотя спонтанные ответы на ими самими «взращенные» в аудитории вопросы имитируют лишь политики и другие публичные игроки, очень многие говорящие имитируют неподготовленную речь, делая вводные текстовые замечания. Говорящий заранее предусматривает некоторые из этих реплик и может даже включать их в копию текста, предназначенную для зачитывания, в форме заметок, напоминающих о той опоре, которую нужно использовать при их

произнесении. Все это, заметьте, роднит лекции с историями или анекдотами: рассказчик может (и его побуждают к этому) повествовать так, словно это делается в первый и последний раз. Единственное ограничение состоит в том, что никто в аудитории не должен слышать его исполнение прежде. По сути, любая коммуникация в чем-то поощряет иллюзию «первого и последнего раза».

В этом кроется определенная ирония. По ходу лекции возникают такие моменты, когда говорящий кажется наиболее чувствительным к атмосфере события и лучше всего готовым с помощью остроумных и спонтанных реакций продемонстрировать, насколько полно он мобилизовал свой дух и разум на данную минуту. Но эти мгновения вдохновения зачастую оказываются и самыми подозрительными. В такие моменты говорящий, скорее всего, сообщает то, что он когда-то заучил наизусть; ему случайно приходит на ум высказывание, которое столь уместно, что он не может устоять перед искушением повторно использовать его в данном месте своей речи. Или взять такой тяжеловесный пример, как рассказанный между делом анекдот. Он рассказывается так, словно его произнесение не было запланировано, просто история оказалась настолько подходящей, что говорящий не мог не поведать ее, даже несмотря на некоторое отклонение от темы. В этот очевидно релевантный момент редко кто задумывается о том, что анекдоты специально предназначены для подходящих случаев. Как и при находчивых ответах, стандартных извинениях и других универсальных связках (joints) дискурса, истоки релевантности здесь следует искать не столько в ситуации, сколько во внутренней организации самого анекдота. Короткие рассказы, которые мы позволяем себе включать в текущую речь, мы, скорее всего, включали раньше в другие выступления, не говоря уже о прошлых презентациях данного текста.

Могу ли я сделать короткое отступление? Вводные пояснения существуют в любых формах коммуникации, хотя в разных случаях они играют разную роль. В ходе разговора рассказчик, занятый изложением истории, как бы перебивает свою речь, полностью разрушая фрейм повествования, чтобы ввести пропущенную деталь, или разъяснить подоплеку, релевантность которой стала очевидной только теперь, или предостеречь слушателей насчет того, что вот-вот произойдет кульминационное событие. Поп-певцы между песнями обычно переходят к прямой речи, делая замечания за рамками фрейма, служащие переходами между разными композициями; при этом они выступают от «собственного» имени, а не от лица персонажей своих песенных драм. Иногда они настолько увлекаются фигурой, которую «кроят» (cut), когда не поют, что начинают вести себя как эстрадные комики, растягивая эти переходные моменты. Другого рода пример – чтение собственных поэтических произведений. Как и в случае пения, сегментированный характер выступления в той или иной степени требует вводных переходов от одного фрагмента выступления к другому, однако у поэтов гораздо меньше возможностей для проецирования в эти моменты. Поэзия сама по себе заключается в развитии уточняющих и побочных линий, которые поэт может проводить в пространстве некоторой заданной темы; в тексте должны быть сжато представлены аллюзии на большую часть того, что мог бы добавить реальный комментатор, и желательно, чтобы это звучало спонтанно. Начать «кроить» фигуру, говорящую о стихотворении, – значит перестать «кроить» фигуру, действующую в нем.

Вернемся обратно. Заключение в скобки и вводные ремарки, а также переключения, накладываемые на текущий текст, говорят больше, чем текст, о ситуации, в которой читается лекция, в отличие от ситуации, о которой читается лекция. К тому же, эти ремарки могут включать элементы биографического опыта говорящего-автора, обусловленные присутствием *данного* конкретного говорящего, а не просто какого-либо говорящего. Именно поэтому печатные версии произнесенного текста чаще всего лишены предваряющих и текстовых отступлений, которые оживляют устную презентацию; то, что заманчиво и релевантно для физически присутствующей аудитории, вряд ли будет уместно и удобно для читателей. Дело не столько в том, что непосредственно присутствующая аудитория и читатели находятся в разных обстоятельствах – хотя это действительно так, – сколько в том, что говорящий может непосредственно воспринимать обстоятельства своих реципиентов, а

писатель – нет. Тематические и локальные особенности, которые говорящий может упоминать и на которые он может реагировать, нельзя сделать предметом внимания в печати. А именно благодаря такой реакции социальное событие способно стать осязаемым.

Рассмотрим теперь некоторые слова, используемые говорящими для описания своей аудитории, – слова, во многом сходные с теми, что используются любым другим сценическим исполнителем. Аудитория, которую говорящий ощущает как «безответную», аудитория, которая не принимает маленьких жемчужин, преподносимых выступающим, и не дает обратной связи в виде смеха или каких-либо иных знаков внимания, будет вынуждать его строго придерживаться оригинала. Аудитория «хорошая» или «теплая», т. е. такая, которая легко и слышимо реагирует на высказывания, охотно и одобрительно откликается, которая демонстрирует готовность воспринимать его намеки и саркастические замечания именно так, как он задумывал, скорее всего, будет побуждать говорящего развивать каждую фразу или формулировку, вызывающую ответную реакцию: он будет продолжать импровизировать в данном направлении до тех пор, пока аудитория демонстрирует своими жестами, что он попадает в точку, – своего рода игра на слух, которую, по мнению Альберта Лорда, практикуют чтецы эпической поэзии. (Иногда, чтобы аудитория стала «теплой», ее нужно «разогреть», что целенаправленно предпринимается в эстрадных программах, хотя на лекциях этому моменту обычно уделяют мало внимания.) Опять же, заметьте, пояснения в форме неподготовленной речи, являющиеся реакцией на реакцию аудитории, вряд ли найдут отражение в печатной версии выступления, поскольку писателю неоткуда взять реакцию, побуждающую к такого рода замечаниям.

Понять ситуационную работу соединительных переключений, текстовых скобок и вводных высказываний можно, если подвергнуть рассмотрению эффекты дисфории*, возникающие в том случае, когда обстоятельства требуют, чтобы речь автора прочитал кто-то другой. Эта замещающая речь может быть наполнена таким же количеством различных «Я» и других самореферентных фраз, как и нормальное выступление. В ней даже, как и в тексте, может применяться стиль, удобный для говорения, а не чтения. Но она все же не способна обеспечить обыкновенные переключения, скобки и вводные пояснения. Говорящий, не являющийся автором, то есть заменяющий его, может предпослать чтению объяснение: почему он делает это, признавшись с самого начала, что «Я» в тексте – это, конечно же, не он (хотя он все равно будет использовать данный термин); в процессе чтения он может даже разрушать фрейм и вводить собственные вводные пояснения, как это делает редактор печатного текста в редакторских примечаниях. Однако произнесение того или иного пассажа с иронией или воодушевлением привело бы к путанице. Чья это ирония? Чье воодушевление? Использование вводных выражений чревато такой же дилеммой, поскольку в данном случае неподготовленные отступления могут передавать лишь мысли второго автора. Дублер, отклоняющийся от определенного пассажа, должен понимать, что его действие слишком легко расценить как оплошность. В любом случае все эти изменения опоры происходят на очень глубоком уровне; они по-прежнему проецируют «Я» аниматора, но на этот раз не автора текста, углубляя тем самым разрыв, преодолеваемый успешной лекцией. Такая компоновка ставит под угрозу ритуальные элементы презентации. (Неудивительно, что подобное наблюдается преимущественно на профессиональных конференциях, где на одной секции может сообщаться о работе трех-пяти ничем не примечательных авторов, так что отсутствие одного или двух из них лишь незначительно снижает ритуальный накал события.)

---

* Используемый здесь термин «дисфория» следует отличать от аналогичного термина в психологии, которым обозначается угрюмое, ворчливо-раздражительное, злобное настроение с повышенным беспокойством в ответ на самые незначительные внешние раздражители. Дисфория у Гофмана – это ситуация нарушения привычных контекстуальных правил поведения, требующая от участника взаимодействия мобилизации ресурсов самоконтроля. В дисфорической ситуации оказывается, например, актер, забывший роль. Противоположность дисфории – эфория, сохранность контекстуальных норм, которая позволяет участникам «расслабиться» и не контролировать каждый свой шаг или слово. – *Прим.ред.*

Выше были упомянуты три места для смены опор: переключающие фрагменты, текстовые скобки и вводные замечания. Наконец, рассмотрим – ценой длинного отступления – четвертое место, связанное с управлением непредвиденными обстоятельствами исполнения.

Любая передача сигналов по каналу обязательно сопровождается «шумом», то есть сообщениями, которые не являются частью посланного сигнала и снижают его чистоту. В телефонной связи такой помехой выступает звук, при телевизионной трансляции – как можно легко заключить из названия – звук и свет. (Я полагаю, что люди, читающие Брайль, также сталкиваются с осязательным шумом.)

Тем, кто смотрит телевизор, совершенно ясно, что искажение принимаемого сигнала может иметь радикально разные источники: помехи в студии, поломку в телевизоре, работающий неподалеку электронный прибор, вроде индукционной катушки, и пр. Существуют, конечно же, вполне прагматические причины для установления источника помех; например, когда виновником является станция, она может информировать об этом аудиторию с помощью особого визуального или звукового сигнала. Теперь взгляните на телефон. Во время обычного телефонного разговора трубка прилегает к уху, так что беспокоиться о шуме в этой контактной точке системы нет нужды; в худшем случае придется просто прикрыть второе ухо. Пример телевизоров (и телефонов с громкой связью) показывает, что в коммуникационную систему между точкой испускания сигнала и получателем может проникать значительный шум, как бывает, когда пытаешься слушать радио сквозь шум неизолированного двигателя или ловить радиопрограммы «в эфире». Кроме того, очевидно, что говорящий и слушающий могут перестать эффективно коммуницировать посредством телефона из-за присущих физических недостатков, например, когда у одного ларингит или у другого проблемы со слухом. Если расширить значение термина «шум», то все подобные ограничения передачи тоже могут стать предметом внимания.

Я останавливаюсь на этих очевидных моментах, чтобы обосновать следующую формулировку: в ходе коммуникации всегда возникает шум; коммуникативную систему можно рассматривать как многоуровневую композитную структуру, включающую электронный, физический, биологический и прочие уровни; эффективная коммуникация восприимчива к источникам шума, располагающимся на разных уровнях в структуре поддерживающей ее системы.

Следующее, что необходимо отметить: в любой коммуникативной системе реципиенты вырабатывают определенную нечувствительность к различным формам шума, они могут игнорировать подобный звук, не особо отвлекаясь на него. Благодаря такой установке реципиентов отправители получают возможность вести их за собой. Помимо прочего, и получатели, и отправители проявляют безразличие к определенному шуму, обходясь с ним так, словно его нет, даже если он им мешает. Далее, вне зависимости от того, создает помехи конкретный источник шума или нет, участники коммуникативной системы могут предпринимать физические действия, рассчитанные на улучшение рецепции.

Для завершения картины нужно лишь добавить, что отправители имеют в своем распоряжении еще один способ поведения. Осуществляют ли они физические действия по улучшению передачи или нет, они могут прямо сказать о препятствии и о своих попытках его устранения (если таковые предпринимаются), используя вводные замечания. Эти замечания неизбежно разрушают фрейм, поскольку вместо передачи ожидаемого текста отправитель передает комментарии относительно передачи. У отправителей есть самые разные мотивы для совершения подобных действий. Они могут не хотеть, чтобы помеха, возникшая в коммуникации, осталась без объяснения или оправдания, вероятно, надеясь, что в таком случае их не будут обвинять в этих недоразумениях. Или им может казаться, что поддержание видимости невозмутимости само может стать помехой для участвующих сторон и что открытое признание затруднения избавит слушающих от необходимости

изображать безразличие. Либо они могут чувствовать потребность предвосхитить другие интерпретации возникшей помехи.

Вернемся теперь к рассматриваемой коммуникативной системе – лекции. Очевидно, что шум, возникающий в ходе лекции, может носить звуковой или визуальный характер, а его источник может располагаться в самых разных местах, скажем, за стенами аудитории, внутри помещения, среди собравшихся или на возвышении. Последнее месторасположение особенно важно, потому что шум, исходящий с возвышения, гораздо сложнее проигнорировать, нежели шум, исходящий из мест, которым аудитория не обязана уделять свое внимание.

Как источник потенциального шума возвышение представляет собой многоуровневое явление. Одним из источников мы обязаны тому факту, что у лекторов есть тела, а тела могут легко создавать визуальные и звуковые эффекты, не связанные с потоком речи и способные вызывать помехи. Говорящий должен дышать, немного поворачиваться, иногда почесываться, он может даже почувствовать желание кашлянуть, пригладить волосы, расправить рубашку, шмыгнуть носом, глотнуть воды, повертеть в пальцах свои украшения, протереть очки, чихнуть, переступить с ноги на ногу, размять конечности, манерно застегнуть и расстегнуть пиджак, перевернуть страницы и выровнять их и т. д. – не говоря уже о цеплянии за ковер или появлении с расстегнутой ширинкой. Обратите внимание: эти телесные шероховатости могут в равной степени досаждают и таким искусственным эстрадным исполнителям, как певцы, экстрасенсы и юмористы.

Другой структурный источник шума может быть расположен еще ближе к источнику передачи, – это мелкие особенности человеческого речевого аппарата, влияющие на построение высказываний, например, шепелявость, заячья губа, ларингит, аффекация речи, сильный акцент, кривошея, присвистывание и т. д. Их можно назвать аппаратными искажениями человеческого, а не электронного типа. Эти искажения сопоставимы с теми, которые вносят в концерт неправильно настроенные инструменты, в разговор двух людей – косоглазие одного из них, в общение с печатной страницей – сползание строк, в показ слайдов – плохое освещение и, разумеется, в выступление на сцене – неисправный микрофон.

Изъяны человеческого звукового аппарата как класс не подвергались систематическому изучению, однако существуют исследования очень близкого источника трудностей: искажений при кодировке, дифференцированно связанных с элементами речевого потока. Говорение неизбежно сопровождается тем, что можно лингвистически определить как дефекты: паузы (заполняемые или нет), возобновления, тематические скачки, повторения, неразборчивые слова, случайные двусмысленности, подборы нужного термина, пропуски и т. д. То, что именно создает помеху, в огромной степени определяется используемой речевой формой – неподготовленной речью, повторением по памяти или зачитыванием.

В ходе лекций аппаратные и кодировочные искажения неизбежны; они означают, что за коммуникацией стоит живое тело и соответствующее «Я», в лице которого выступает и действует говорящий, хотя его поступки не релевантны выступлению. Для этого «Я» отводится свое место. Вполне нормально поправить себя, если начал неправильно произносить слово. Также нормально прочистить горло или даже выпить воды, при условии, что такие отвлечения осуществляются в промежутках между сегментами речи – за исключением, разве что, данного, поскольку только в текущем промежутке столь незначительное отклонение было бы не отклонением, а некой крайне хитроумной театрализацией, достойной существования лишь в качестве фрейм-аналитической иллюстрации изъянов исполнения. Одним словом, предполагается, что внимание, которое уделяют всем этим маневрам говорящие или слушающие, отвлекается от основного предмета интереса. Такое «Я» должно занимать очень ограниченное место.

Заметьте, то, что определяется здесь как аппаратный и кодировочный шум, должно игнорироваться, и обычно так и происходит. Однако время от времени эти источники вносят

искажения – визуальные и звуковые – которые аудитории сложно обойти вниманием, тем более – когда она обязана прилагать к этому усилия. К тому же, иногда возникает шум, который, по правильному или неправильному ощущению говорящего, аудитория не может легко проигнорировать, либо ей нельзя позволить это сделать. (Последняя ситуация имеет место, например, когда говорящий излагает ошибочный факт, который остался бы незамеченным, если бы докладчик не поправился.) В ответ говорящий может почувствовать желание представить краткое объяснение, извинение или оправдание. Эти исправляющие реплики будут носить открыто вводный характер, иногда откалываясь от основного потока официальной текстовой коммуникации, но все равно оставаясь понятными. Таким образом, существует не только незамечаемый поток событий, но и порой – обособленный поток вербальной коммуникации. И, подобно аппаратным и кодировочным искажениям, реакцией на которые он является, этот поток коммуникации предполагает «Я», претендующее на внимание аудитории, даже если это означает незначительное ущемление других «Я», проецируемых одновременно с ним. В конце концов, аниматор имеет право не только кашлять, но и, в некоторых обстоятельствах, затягивать перерыв, принося извинения за свои действия. Разумеется, тот, кто заменяет автора при чтении (или переводчик), может совершать такого же рода ошибки и, прося за них прощение, проецировать такое же «Я».

Иными словами, докладчики неизбежно занимают структурную позицию, позволяющую им уклоняться от обязанности передавать свои тексты; вместо этого они могут делать замечания об особенностях самого процесса их передачи. Обратите внимание: комментарии по поводу такого рода трудностей, а также исправляющие реплики, возникающие вследствие неспособности их избежать, обычно побуждают использовать местоимения «я» и «мне», но здесь следует быть крайне осторожным, поскольку в данном случае эти термины обозначают индивида, выступающего в роли аниматора, а не индивида, являющегося автором заготовленного текста. Использование тех же самых местоимений, указывающих на одного и того же человека, может легко привести к упущению существенных различий. Когда говорящий произносит: «Извините меня», или «Позвольте мне попробовать еще раз», или «Я думаю, на этом мы закончим с обратной связью», автор этих замечаний – индивид, выступающий в роли аниматора, а не индивид, исполняющий роль автора текста. Человек остался тот же, однако его опора явно изменилась, причем не меньше, чем если бы это был заместитель докладчика, совершивший ошибку и приносящий за нее свои извинения.

Я сказал, что если говорящий чувствует возникновение аппаратных или кодировочных затруднений, он может сделать комментарий по их поводу и по поводу любых физических усилий, которые он предпринимает или не предпринимает для их преодоления. Незначительное изменение опоры, происходящее, когда выступающий перестает передавать свой текст и вместо этого передает открытое описание своего затруднительного положения как аниматора, в большинстве случаев вполне допустимо и чаще всего будет восприниматься обособленно. Но у каждого формата есть свои ограничения. Структурно значимым фактом дружеской беседы является то, что она позволяет совершать множество подобных рефлексивных нарушений фреймов, в то время как принципиальным условием вечерней телетрансляции, напротив, является их крайне малое количество. Чтение лекции находится где-то посередине. Чувствуя нехватку времени, говорящий может изменить голос и сообщить слушателям, что перелистываемые им страницы, – это страницы, которые он только что решил бегло обобщить при помощи неподготовленной речи или вообще пропустить, проецируя при этом весьма душещипательную просьбу воздать ему должное за то, что он мог бы сказать. Разыскивая страницу, которая отсутствует на положенном месте в оригинале, он может перебирать бумаги, одновременно чистосердечно сообщая, что именно этим он сейчас и занимается. Предпринимая поиски книги, отрывок из которой он планировал зачитать, он может пошутить, признавшись, что, как ему хочется надеется, он захватил именно нужный том. Я полагаю, после реального начала представления, попытки искреннего проецирования себя исключительно в роли аниматора вряд ли осуществляются –

по крайней мере, не столь часто, как убеждены говорящие. Тем не менее, это нередко допускается.

V

Попытаемся теперь свести все воедино. Было сказано, что в определенной перспективе лекция представляет собой средство, при помощи которого автор может передавать текст реципиентам, и (с этой точки зрения) она во многом схожа с любым другим методом передачи, например, с разговорной речью или печатной страницей. Основные различия между существующими методами будут, скорее всего, касаться стоимости, распространения и т. д., то есть ограничений на доступ к сообщению. Но если бы подобная передача была центральным моментом лекции, мы бы имели лишь лекции университетского типа, хотя и для них это вряд ли было бы верно; по всей вероятности, ее можно было бы заменить другими средствами сообщения. В действительности аудитории сохраняют внимание потому, что лекция – это больше, чем передача текста; как было показано, собравшиеся могут осознавать, что выслушивание сообщаемого текста – цена, которую они должны заплатить за то, чтобы услышать говорящего. Они сохраняют внимание – отчасти – из-за чего-то, присущего самому акту говорения во время события передачи текста, из-за того аспекта говорения, который связывает данный текст с данным событием. Понятие шума имеет здесь заведомо очень ограниченное применение. То, что в перспективе текста выступает шумом, на самом деле может быть музыкой взаимодействия – источником удовлетворенности аудитории событием, сутью различия между чтением лекции дома и ее посещением. Позвольте мне рассмотреть два аспекта этого посещения.

Прежде всего доступ. В любой печатной работе писатель различными способами экспонирует себя. Читатели получают информацию об авторе через стиль письма, биографические сведения, принимаемые им допущения, формат публикации и т. д. В книгах обычно помещают краткую биографическую справку об авторе, а иногда даже фотографию на суперобложке. То, что читатели узнают таким образом об авторе, они могут связать с тем, что им уже известно о нем (если подобное знание имеется). Поэтому, приоткрывая доступ и поощряя знакомство с собой, автор вынуждает читателей устанавливать с ним своего рода односторонние социальные отношения.

В случае живой лекции, кроме всех указанных источников доступа (или эквивалентных им), есть множество других. Это особенно очевидно, когда аудитория знакома с говорящим благодаря его публикациям или другим формам деятельности. Как бы слушатели ни воспринимали его раньше, их восприятие модифицируется, когда они получают возможность видеть его во плоти, наблюдать и слушать его в процессе передачи своего текста. Кроме того, сколь бы откровенным и исповедальным ни был написанный текст выступающего, он может легко еще больше усилить данную (или ослабить обратную) характеристику текста при его произнесении, поскольку всегда можно прибегнуть к переключениям и вставочным дополнениям, отсутствующим в тексте. Подобная демонстрация себя будет доступна только членам слушающей аудитории; это нечто гораздо более эксклюзивное, нежели то, с чем обычно имеют дело читатели.

В той мере, в какой говорящий является значительной фигурой в некотором релевантном мире, этот доступ носит ритуальный характер – не в этнологическом, а в дюркгеймовском смысле предоставления молящимся привилегированного права вступить в контакт с ценной для них вещью. Могу добавить, что, получая таким образом доступ к авторитету, аудитория также получает ритуальный доступ к теме, в которой разбирается говорящий. (Самостоятельный доступ – совсем иное дело.) На обеспечении этого доступа строится целый лекционный бизнес. Индивиды, попавшие в поле внимания аудитории СМИ по причине своей причастности к одной из тем новостей, могут стать доступными лично, отправившись в лекционное турне. В данном случае предварительным условием является не авторитет или глубокое владение академической темой, а исключительно причастность.

Содержание подобных выступлений в точности совпадает с изменчивыми интересами публики и столь же разнообразно; общим между разными лекторами являются лишь агенты и бюро, организующие выступления. Это крайне пестрое сборище добропорядочных и не очень людей наполняет жизнью то, что сегодня или вчера привлекло всеобщее внимание; каждая такая знаменитость позволяет аудитории прикоснуться к тому же, к чему прикоснулись он или она, каждая из них продает свою причастность.

Итак, существует аспект доступа. (Чтобы не надоест вам, я опустил анализ его последней формы: небольших дружеских встреч с докладчиком, организуемых попечителями для избранных членов аудитории по окончании лекции.) Второй момент – торжественность события. Разница между текстом как таковым и его вербальным сообщением не только в том, что последнее создает ощущение привилегированного доступа к говорящему, но и в том, что оно усиливает уникальность, сиюминутность, неповторимость события, в ходе которого осуществляется данное сообщение. Связывая себя подобным образом с текущим событием, мобилизуя свои ресурсы для участия в нем, говорящий «отдается» другим участникам.

Теперь было бы неплохо более подробно остановиться на способе, посредством которого печатный текст, доступный любому компетентному читателю, может превращаться в речь, откликающуюся на локальную ситуацию ее произнесения. Рассмотрим несколько приемов «контекстуализации».

Во-первых, существует молчаливое, всячески поддерживаемое предположение, что сообщаемое аудитории было сформулировано специально для собравшихся и ради данного события. Косвенным знаком этого является отсылка к теме – с ее помощью говорящий показывает, что, по крайней мере, одно из его утверждений полностью соотносится с конкретной обстановкой, в которой происходит выступление. (Прием странствующих актеров, предвосхищающий, по-видимому, даже поездки Боба Хоупа по военным лагерям.) Подобные тематические отсылки особенно характерны для вводной части.

Однако есть менее очевидные приемы создания эффекта отклика. Когда лекция читается при помощи неподготовленной речи или имитации неподготовленной речи, отклик на текущую обстановку кажется очевидным. Это делает возможным использование иного рода знаков. Как указывалось, скобочные комментарии и вводные замечания, сообщаемые посредством неподготовленной речи, могут использоваться для придания оттенка неподготовленности всему исходному тексту. (В случае если эти замечания на самом деле не являются неподготовленными, неподготовленная речь легко симулируется с помощью заученных наизусть фрагментов, поскольку нужны лишь короткие отрывки.)

Другой стандартный метод симуляции, используемый при чтении вслух, – пробежать глазами небольшой отрывок, а затем, глядя на аудиторию, воспроизводить то, что только что было быстро просмотрено.

Далее, есть эффект «сверхгладкого» выступления. Как указывалось, разговорная речь полна небольших заминок – заиканий, повторов, возобновлений, – на которые говорящий и слушатели редко ориентируются; эти мелкие осложнения попросту игнорируются. С другой стороны, как раз такие незначительные заминки становятся заметны при чтении вслух, грубо напоминая нам о том, что мы являемся свидетелями именно чтения вслух. Парадоксально, но читая вслух без этих привычных искажений, мы можем создать впечатление, будто имеет место нечто большее, чем просто чтение вслух, нечто более близкое к неподготовленной речи. (Добавлю: сверхтекучесть существенна для производства иллюзии неподготовленной речи телеведущими.)

Наконец, рассмотрим эффект «высокого стиля», даже если он возникает при простом зачитывании обращения. Изящество слога – фразеологические обороты, метафоры, аналогии, афоризмы – может рассматриваться в качестве свидетельства не только интеллекта говорящего (а получение к нему доступа, судя по всему, представляет некоторую ценность), но и его стремления и умения делать ту работу, которой он в данный момент занят. Именно «экспрессивное» письмо позволяет потребителю текста ощутить, что его производитель

полностью вложил душу в данное конкретное событие коммуникации. Применение всех этих приемов локализации и индексализации текста является стилистической особенностью или признаком устного дискурса. Характеристики «хорошего» письма систематически отличаются от характеристик «хорошей» речи, и степень использования лектором нормативных устных форм определяет силу производимого им впечатления вовлеченности в речевое действие. Некоторые различия между письменной и устной прозой таковы:

1. В целом писатели могут использовать редакторские инструкции, журнальные правила оформления статей и университетские учебники по стилистике в качестве руководства относительно того, что будет и что не будет двусмысленным, как если бы читатель был обязан применять эти стандарты наравне с писателем. Читатели принимают на себя ответственность за повторное прочтение отрывка с целью выявления его смысла и готовы мириться с большими трудностями, нежели «грамматические ошибки». И, разумеется, читатели могут перечитать отрывок, в то время как слушатели не могут еще раз прослушать высказывание – разве что с помощью аудиозаписи. Кроме того, письмо позволяет снять двусмысленность тех фраз, которые в устной речи были бы омонимичными. Читателю также помогают знаки пунктуации, обладающие фиксированным набором значений (заметьте, большинство этих знаков имеют лишь очень приблизительные, неоднозначные соответствия в звуках). Вследствие этого предложение, окончание которого отстоит очень далеко от начала, гораздо легче поддается эффективному использованию на печати, чем в речи. Словом, для построения речи может потребоваться переделка клауз в предложении. Однако в качестве компенсации допускаются сокращения и пропуски, а также различные формы «смещения влево» и дейктические термины.

2. Принятые способы компоновки печатного текста обеспечивают связность так, как это невозможно в случае устного выступления. В речи нет абзацных отступов или заголовков разделов. Сноски в печатных текстах позволяют совершать резкие тематические скачки и поэтому могут содержать выражения благодарности, научные комментарии и параллелизмы. (Например, сейчас, когда я занят говорением, мне было бы трудно заявить, что устная проза, по сути, очень сильно отличается от того, что происходит в естественном разговоре, процитировав при этом работу Дэвида Аберкромби «Исследования по фонетике и лингвистике», однако на печати это было бы легко и просто сделать с помощью сноски.)

3. Обычно свобода, которая допускается при обращении к слушателям, невозможна при обращении к читателям. Говорящий безошибочно чувствует, что некоторые разговорные выражения, непочтительные высказывания и т. п., которые он может употреблять, выступая перед данной аудиторией, он опустил бы в печатном тексте. Выступая, он осознает, что ему позволительно преувеличивать, говорить безапелляционно, высказывать явно не совсем достоверные вещи и пренебрегать подтверждениями. Он может использовать обороты речи, которые посчитал бы неудобными в публикации, поскольку в данной ситуации он может положиться на людей, которые, как ему кажется, улавливают дух, а не просто букву его суждений. Он также может прибегать к сарказму, фразам вполголоса и другим грубым приемам, которые позволяют ему и его аудитории вступать в своего рода тайный сговор против отсутствующих фигур, иногда сопровождающийся эффектом «вызванного смеха» (добившись которого он может продолжить раззадоривать аудиторию) – чего автор печатного текста не способен в полной мере добиться от читателя. Кроме того, говорящий может прервать свое высказывание практически в любом месте и, посредством различной модуляции голоса, вставить что-нибудь вопиюще нерелевантное.

Должен лишь добавить, что при подготовке текста к устному сообщению автор может попытаться писать устной прозой и для него это будет наилучший выход. Иногда лекторы читают главу из книги или статью, подготовленную к публикации, но не могут удержать внимание аудитории – по крайней мере, при современных сценических исполнениях. Эффективный лектор всегда пишет зачитываемый текст в разговорном жанре; он заранее связывает себя лентой печатной машинки с будущей аудиторией.

Написать текст устной прозой и «экспертно» прочитать его – значит создать ощущение того, что имеет место нечто вроде неподготовленной речи. Но иллюзии всегда уязвимы. Просодическое оформление, придаваемое клаузе, реплике и короткому предложению человеком, который говорит без подготовки, тесно связано с его пониманием общей тенденции, а возможно, и тематического развития дальнейшей аргументации. Поэтому, даже если он неправильно произнесет или пропустит слово, он все равно продолжит двигаться в верном направлении. Худшее, что может произойти, – если его остановят сразу же, как только он упустит нужное слово или потеряет основную нить текущего высказывания. Однако при чтении вслух говорящий склонен следовать конкретной синтаксической интерпретации (и тем самым просодической пунктуации) текущей фразы, обращаясь главным образом к непосредственно наблюдаемой следующей строчке текста. Смысл, соотносящийся с более полным фрагментом его оригинала, – смысл, который обязательно должен возникнуть, – немного дает говорящему для понимания того, что он сейчас произносит. Простая ошибка в восприятии слова или знака препинания может привести говорящего к радикально неверно истолкованному чтению вслух дальнейшего фрагмента текста. Последующая – обязательная – коррекция зачитанного покажет, что говорящий все время создавал ложное впечатление посвященности в те мысли, которые содержались в его высказываниях. Как все вы знаете, это может несколько смутить.

VI

Теперь позвольте мне еще раз остановиться на том, с чем именно говорящий поднимается на кафедру. Конечно, у него есть текст. Но каковы бы ни были подлинны достоинства текста, они доступны и читателям печатной версии – равно как и репутация автора. Помимо всего этого лектор предоставляет слушателям дополнительный доступ к нему самому, а также возможность приобщиться к данному конкретному событию. Он демонстрирует себя перед аудиторией. Он выступает по определенному поводу. И в том и в другом случае он отдается ситуации. И эта ритуальная работа совершается под предлогом сообщения текста. Ни у кого не возникает ощущения, что ритуал стал самоцелью. Как манифестируемое содержание сновидения позволяет снять остроту его латентного смысла, так и передача текста делает возможным совершение ритуального исполнения.

Своей видимой ученостью и связным выступлением говорящий-автор демонстрирует, что его притязания на авторитет, обусловленные его положением, репутацией и строителями, обоснованны. За счет этого между институциональным статусом, репутацией и текущим событием устанавливается связь. На фоне обоснованных притязаний вводные «виньетки» дают аудитории пример того, каким образом подобный авторитет можно изящно «носить». Дистанция, навязываемая статусом, здесь сокращается; уважение, которого требует авторитет, скромно отклоняется. Говорящий-автор показывает, что хотя внешне он претендует на восприятие себя как необыкновенного человека и имеет некоторые демонстрируемые в данный момент основания для этого, он все же предпочитает не поддаваться блеску своих качеств. Он решает презентовать себя как одного из участников текущего собрания, ничем не отличающегося от вас или меня. Тем самым он предоставляет не только косвенный доступ к самому себе, но и модель отношения к себе, дающую ему право претендовать на определенное положение (а также – модель поведения в непредвиденных обстоятельствах, возникающих по ходу исполнения). По многим причинам это моделирование может быть наиболее важным действием, совершаемым говорящим, – действием, сближающим его, обратите внимание, с телевизионными персонажами, предоставляющими такого же рода модель, но для более широкой публики. (Мне бы очень хотелось, чтобы схожий авторитет существовал в поле взаимодействия лицом к лицу и чтобы я, обладая им, мог проявлять свою непритязательность. Пока же то, с чем я могу обходиться сдержанно и небрежно, увы, не заслуживает подобного обращения.)

Итак, выступающий с речью может сливаться с событием благодаря тому, что он, как говорящий, спонтанно (или как будто спонтанно) украшает свой текст, используя его в качестве основы для ситуационно обусловленного сообщения, смешивая живое и читаемое. Вследствие определенного самоотношения он способен поведать о своем предмете что-то, в чем его слушатели, по их ощущению, способны разобраться. (Не говоря уже о том, что ему потребуется нечто большее, нежели добавление серьезности в голосе для мягкого отстранения от случайных вводных пассажей.)

Но в основе этого должно лежать более глубокое понимание – понимание соответствия основным требованиям, предъявляемым обществом к исполнителю. Все, что аудитория будет считать в оцениваемом лекторе проявлением интеллекта, остроумия и шарма, все, что аудитория будет приписывать ему в качестве неотъемлемых черт его характера, – все это появляется в результате предпринимаемых им действий по эффективному «вручению» себя событию и, следовательно, его участникам, раскрытию себя перед ними, рассмотрению остальной части себя как требующей подчинения данной цели. Говорящему, который хотел бы предстать перед аудиторией в свете собственного благородства, можно посоветовать отстраниться от своей темы и от соответствующего текстуального «Я», продемонстрировать, что он пожертвовал и тем и другим ради аудитории. Аниматор приглашает аудиторию отнестись подобным образом и к самому тексту – делая это приглашение в той задушевной и дружеской манере, в которой он говорит о своем материале. И вот уже члены его аудитории охотно соглашаются занять такую же позицию в отношении его текста, поскольку она дает ключ к миру этого текста, одновременно показывая, что людям вроде них полностью по плечу задача вынесения оценки, и что сами они недооцениваются. Разумеется, такое отношение к тексту вполне достойно уважения, потому что говорящий сам смоделировал его. Следовательно, выступающий с речью обязан быть собственным посредником, разделяя себя-как-аниматора, способного говорить, и голос аудитории, хотя последней позволено иметь лишь рудиментарный голос. (По сути, единственное, что реально понятно (не говоря уже, интересно) некоторым членам аудитории, – это именно данная позиция, которая была занята от их лица в отношении сообщаемого.) Повторюсь, дело не только в том, что попутные комментарии говорящего делаются в зависимости от текущего контекста; то «Я», которое произносит эти комментарии, тоже должно создаваться в зависимости от контекста.

Теперь мы можем прояснить базовую черту всех взаимодействий лицом к лицу, а именно, способ проникновения более широкого мира структур и позиций в эти события. Заранее подготовленный текст (и подразумеваемое им «Я» автора), с которым говорящий выходит на возвышение, в чем-то напоминает другие внешние обстоятельства, заявляющие о себе в той или иной локальной ситуации: возраст, пол и социально-экономический статус, с которыми собеседник приходит на дружескую встречу; академические и служебные заслуги, с которыми профессионал приходит на собеседование с клиентами; принадлежность к корпорации, с которой ее представитель приходит на переговоры. Во всех этих случаях существует проблема трансляции. Укорененные вовне аспекты, вид и форма которых не имеют ничего общего с взаимодействием лицом к лицу, должны идентифицироваться и обозначаться с помощью тех компонентов, которые доступны в локальных обстоятельствах. Внешнее должно быть совмещено с внутренним, каким-то образом увязано, чтобы его можно было систематически игнорировать. И как дипломатический протокол является средством трансформации, применяющимся для отражения официальной позиции на торжественных событиях, как обиходная вежливость является формулой, позволяющей высказывать уважение возрасту, полу и должности в ходе кратковременных социальных контактов, так и, на более глубоком уровне, речевая личность автора связывает его текст и его статус с процессом произнесения речи. Заметьте, никто не может предоставить подходящее для данной ситуации истолкование индивида лучше его самого. Если в отношении него или того, с чем он идентифицируется, и позволительны вольности, то он

единственный имеет право безнаказанно их совершать. Если туфли жмут, то лучше всего их разносит тот, кому в них ходить.

Таким образом, индивид, подготовивший лекцию, фабрикует «Я», подходящее для выступления перед данной аудиторией. Он осуществляет эту интерпретацию себя за кафедрой. Он может построить модель управления собой и для взаимодействия в целом. Разумеется, любой сценический исполнитель напомнил бы вам: хотя он обязан отдаваться подобным образом аудитории, он не должен отдавать себя каждому из присутствующих – как ему следовало бы поступить в случае персональной коммуникации, – хотя, нужно заметить, если по окончании выступления он получит лишь скромные знаки внимания, ему будет сложно удержаться от персонального возмездия. И в обмен на свою комическую песню и танец, в обмен на ограниченное пределами сцены осуществление достижимости, в обмен на иллюзию личного доступа – в обмен на это он получает уважение, внимание, аплодисменты и гонорар. За что я вас и благодарю.

Но это еще не конец, леди и джентльмены. Есть те, кому подавай самый последний аргумент.

Текст позволяет говорящему скрывать ритуалы исполнения. Согласен. Но можно сказать, что эти махинации приносят ему и его аудитории более существенную пользу, нежели описано выше. Исполнение побуждает аудиторию и говорящего рассматривать лекцию, а также ее предмет в качестве серьезных, реальных вещей, даже если выступление призвано, наоборот, только позабавить.

И лектор и аудитория разделяют одно общее допущение. Они сообща верят, что организованная речь способна отражать, выражать, очерчивать, раскрывать – или даже воссоздавать – реальный мир и что, наконец, реальный, структурированный, в чем-то единый мир, доступный пониманию, существует. (В конечном итоге, именно это отличает лекции от тех сценических представлений, которые откровенно служат развлечению.) Именно в этом заключаются реальные обязательства лектора. Какова бы ни была область его интересов, к какой бы научной школе он ни принадлежал, будь он набожным или безбожником, он подписывает только один договор и служит только одному делу: защищать нас от пустопорожных слов, являться перед нами, всерьез полагая, что его лекция может передать осмысленный образ определенной части мира и что говорящий может иметь доступ к образу, достойному передачи.

В этом смысле любой лектор, уже в силу того, что он осмеливается прочесть лекцию перед аудиторией, является сотрудником ведомства знаний, активно придерживающимся лишь одной позиции, которая, повторюсь, такова: мир имеет структуру, и эту структуру можно воспринимать и описывать словами, поэтому выступление перед аудиторией и выслушивание лектора – разумные действия, и их обеспечение лишь по чистой случайности было доверено устроителям, сделавшим все это возможным. Даже когда говорящий негласно претендует на то, что только *его* научная дисциплина, *его* методология или *его* данные могут дать верную картину, за этой негласной претензией скрывается другая негласная претензия – утверждение самой возможности существования таких верных картин.

Безусловно, некоторые публичные лекторы выбиваются из общего стада, но они, конечно же, утрачивают возможность читать лекции – хотя, вероятно, им могут быть доступны другие формы работы на сцене. Остающиеся говорить должны в своей речи претендовать на определенный интеллектуальный авторитет, но сколь бы обоснованной или необоснованной ни была их претензия на специализированный авторитет, их слова предполагают и подтверждают идею интеллектуального авторитета в целом: то, что посредством высказываний лектора мы можем узнать кое-что о мире. Задумайтесь: быть может, это всеми разделяемое допущение – не более чем допущение и после выступления говорящий и аудитория вновь погружаются, как оно и должно быть, в шаткий, противоречивый, беспорядочный сумбур своих непостижимых обстоятельств.

ЛИТЕРАТУРА

Bauman R. 1975. Verbal art as performance. *American Anthropologist*, 77(2): 290–311.

Frake Ch. O. 1977. Plying frames can be dangerous: Some reflections on methodology in cognitive anthropology. *Quarterly Newsletter of the Institute for Comparative Human Development*, 1(3): 1–15.

Hymes D. 1975. Breakthrough into performance. In: *Folklore: Communication and performance*, edited by Dan Ben-Amos and Kenneth Goldstein, pp. 9–74. The Hague: Mouton.

Перевод с английского А. В. Царевой и А. М. Корбута
Под редакцией Виктора Вахштайна